

Е Чжицю ничего не сказал, лишь молча посмотрел на него. Цянь Вэньхуа опомнился, быстро вытер слезы в уголках глаз и пригласил их войти.

— Посмотрите на меня, — сказал он. — Заходите, заходите скорее.

— Мне нужно идти с тобой? — Цинь Цзяньхэ положил руку на плечо Е Чжицю и тихо спросил. — В конце концов, это касается личной жизни семьи Е, и я не уверен, что ты не против присутствия посторонних.

Е Чжицю не обернулся, но протянул руку и взял руку, лежащую на его плече. Ответ был очевиден.

Вэй Цзе всегда был предусмотрительным. Хотя приехал только Цянь Вэньхуа, он все равно забронировал для него лучший номер в отеле. Помимо главной спальни и гостиной снаружи, в номере также была гостевая спальня и небольшой конференц-зал. Но все трое не пошли туда, а сели на круглый диван в гостиной, разделенные только журнальным столиком с чашками.

— Дядя Цянь, — наконец заговорил Е Чжицю. — Расскажите мне о том, что произошло тогда, расскажите о моей маме... и почему вы уехали за границу и сменили имя?

Он говорил медленно, с бесстрастным выражением лица.

Цянь Вэньхуа посмотрел на него, не в силах сдержать нахлынувшие чувства. Тот маленький, мягкий младенец так быстро вырос и стал таким замечательным. Услышав его слова, он невольно вздохнул.

— Как быстро летит время.

Е Чжицю промолчал, спокойно ожидая его ответа.

— На самом деле, все эти годы я думал о том, чтобы рассказать вам о том, что произошло тогда, — наконец медленно заговорил Цянь Вэньхуа. — Но, с одной стороны, вы были еще маленькими, а с другой, я расспрашивал своих знакомых и узнал, что госпожа Тао всегда была к вам очень добра.

Цянь Вэньхуа сделал паузу.

— С возрастом, пережив разные взлеты и падения, понимаешь, что в жизни не бывает совершенства. Поэтому я подумал, что раз уж у вас все хорошо, зачем мне рассказывать вам о прошлом и разрушать вашу спокойную жизнь?

Цянь Вэньхуа снова вздохнул.

— Поэтому позже я стал меньше обращать на вас внимания.

Все хорошо? Е Чжицю захотелось засмеяться, но он невольно сжал губы.

— В прошлом году мне поставили диагноз — рак легких в последней стадии, — продолжил Цянь Вэньхуа, — и я снова вспомнил о вас. Я узнал, что вы только что стали чемпионом конкурса модельеров, ваша жизнь бьет ключом, и я снова отступил. Я и не думал, что вы тоже будете искать меня.

Услышав это, Е Чжицю слегка дрогнули ресницы.

Хотя Цянь Вэньхуа выглядел немного худым, он был в прекрасном расположении духа, и почти не было видно никаких признаков болезни.

— Ваше здоровье... — он слегка нахмурился.

— Я прошел иммунотерапию, эффект неплохой, но кто знает, что будет дальше? — Цянь Вэньхуа откровенно улыбнулся. — Но в моем возрасте, с таким грузом на сердце, я рад, что смог рассказать вам все сегодня. Даже если я уйду, у меня больше не будет нерешенных дел.

— Вы, наверное, думаете, что это Тао Жоцин заставила меня уйти? — спросил Цянь Вэньхуа.

— Да, — Е Чжицю кивнул, хотя в глубине души почувствовал что-то нехорошее.

Практически в тот же момент Цинь Цзяньхэ слегка сжал его руку, и было ясно, что они думали об одном и том же.

— На самом деле это не так, — сказал Цянь Вэньхуа. — Тао Жоцин в то время тоже хотела, чтобы я ушел, но тогда она была всего лишь женщиной, которая жила, продавая себя. Ей удалось подняться, поэтому она старалась всегда быть скромной и сдержанной.

— На самом деле, — Цянь Вэньхуа замолчал на мгновение, словно подбирая слова, — по-настоящему отправить меня захотел господин Е.

Е Чжицю это понимал. Теперь смысл происходящего стал для него ясен.

— Так что же на самом деле случилось тогда? — спросил он.

— Вскоре после вашего рождения, прошло около месяца, может быть, два, — Цянь Вэньхуа погрузился в воспоминания. — Однажды, когда я полировал машину во дворе, к воротам подошла молодая женщина.

Он сделал глоток воды.

– Она сказала, что была коллегой господина Е, и госпожа Е попросила меня пригласить её внутрь.

Е Чжицю плотно сжал губы, зная, что этот момент – ключевой.

– Когда я закончил мыть машину, внезапно услышал крики из гостиной. Слова были неразборчивы, но по голосу можно было понять, что что-то не так, – продолжил Цянь Вэньхуа.
– Я сразу бросил всё и быстро вошел внутрь.

– В то время госпожа Е каждый день гуляла с вами на свежем воздухе под деревьями, а затем оставляла вас в гостиной на детском коврике поиграть с игрушками прежде чем подниматься наверх, – объяснил Цянь Вэньхуа. – В тот день, когда эта женщина пришла, вы были внизу. Когда я вошел, она держала вас на руках и улыбалась, но лицо госпожи Е было бледным и нездоровым. На мой вопрос она не ответила.

– А няня? – Е Чжицю тут же спросил. – Она была рядом? Знает, что произошло?

Цянь Вэньхуа помедлил, затем вздохнул:

– Няня ушла на кухню готовить смесь для вас и отсутствовала некоторое время. Когда она вернулась, услышав шум, эта женщина осторожно вернула вас в колыбель. Няню тогда потрясло это происшествие. Помню, как госпожа Е вздохнула с облегчением, забрав вас на руки и крепко прижав к себе. В тот же вечер я слышал, как господин Е и госпожа Е поссорились.

– Я проработал в семье Е два года водителем, и это был первый раз, когда госпожа Е потеряла контроль над собой, – Цянь Вэньхуа вздохнул, – и ссора перешла в неконтролируемый скандал. Из их слов стало понятно, что женщина не была коллегой господина Е, а его любовницей, с которой он имел связь во время беременности госпожи Е. Скорее всего, она тоже была беременна, хотя это не было заметно.

– У господина Е был скверный характер, и госпожа Е обычно уступала ему. Но в этот раз она не уступила, и несколько следующих месяцев их отношения сводились к ссорам и холодному игнорированию. Я часто видел госпожу Е плачущей, глядя на вас. Тогда слово "послеродовая депрессия" ещё не было известно, но няня, тётя Ван, пыталась её утешить. Мы надеялись, что всё наладится. Но кто мог бы знать...

Цянь Вэньхуа нахмурился, его лицо помрачнело.

– Та женщина была Тао Жоцин, – сказал он с горечью.

- То есть Тао Жоцин, держа на руках ребенка, использовала его, чтобы угрожать госпоже Е? - начал спрашивать Цинь Цзяньхэ.

- Не уверен, - Цянь Вэньхуа покачал головой, тихо говоря. - Но судя по реакции госпожи Е, она действительно была напугана. Это не была обычная реакция.

Повисла тишина. Хотя в комнате не было часов, Е Чжицю чувствовал каждое условное тикание времени, заполнявшее его грудь. Прошлые Лань Юэ неожиданно выплыло из глубин истории, и парень ощутил её боль и отчаяние.

- Вскоре госпожа Е скончалась, а та женщина переехала в дом, - добавил Цянь Вэньхуа. - После этого господин Е дал мне деньги и велел покинуть столицу или даже Китай.

Е Чжицю усмехнулся, уголки его губ дрогнули с насмешливым холодом.

Е Хунсянь всегда изображал себя примером добродетели, но изгнал Цянь Вэньхуа, чтобы скрыть скандал от столичных кругов. Что касается уже умершей няни, то, вероятно, из-за того что она была временным работником и не знала всех нюансов, её не стали трогать.

- Я уехал с семьей в Австралию. Господин Е помог мне с оформлением визы, но без достаточного знания языка мне было трудно найти работу. Даже работая таксистом, я сталкивался со сложностями, - сказал Цянь Вэньхуа. - Спустя несколько лет я перевез семью в Малайзию, а позже в Сингапур.

Он тихо закашлялся, прикрыв рот рукой, и посмотрел на Е Чжицю.

- После многих лет я вернулся на родину. Наверное, господин Е узнал каким-то образом о моём возвращении и вышел на меня. Но я не хотел больше ворошить прошлое, так что решил сменить имя и начать всё заново.

Этот ответ звучал правдоподобно. Услышав это, Е Чжицю кивнул. В конце концов, никто не хочет быть связан с мрачными тайнами.

Е Чжицю был уверен, что если бы Е Хунсянь не пригрозил Цянь Вэньхуа, тот не стал бы покидать страну и начинать всё с нуля, несмотря на языковые трудности.

Старик говорил мягко, стараясь не ранить чувства Е Чжицю. Но как мог простой водитель бороться с властью и статусом Е Хунсяня, который к тому времени уже достиг "успеха"?

Старик, возможно, не знал, о чём думал Е Чжицю, но после нескольких секунд молчания снова тихо вздохнул. Смотря на юношу, как будто видел Лань Юэ, он сказал с горестью:

- Госпожа Е была такой нежной и красивой женщиной... Всякий раз, когда вспоминаю прошлое, мне тяжело примириться с этим.

Если даже для Цянь Вэньхуа это было невыносимо, как Е Хунсянь смог пережить всё это и вскоре жениться снова? Вспоминаая фразы, которые он часто произносил, Е Чжицю почувствовал внутри отвращение и глубокую ненависть.

"Я тогда снова женился, разве не из-за тебя? Как я мог быть спокоен, если за тобой некому было присматривать?"

"Негодяй! Раньше ты сгубил свою мать, а теперь хочешь, чтобы и я умер от горя?"

"Как только я вижу этого ребенка, я вспоминаю Лань Юэ, как же я могу его любить?"

"..."

Он не мог представить, как Е Хунсянь мог говорить такие слова, не меняясь в лице. Ведь это из-за него. Он же знал, что Лань Юэ только что родила, ее гормоны и эмоции нестабильны, а он не только изменил ей, но и не хотел уступать ей ни в чем... А теперь все свои ошибки сваливает на ребенка, который тогда был еще младенцем.

— Спасибо вам, — Е Чжицю на мгновение опустил глаза, а затем продолжил, — если вам в будущем что-нибудь понадобится, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне. Я обязательно помогу, чем смогу.

— Мне осталось недолго, — Цянь Вэньхуа с улыбкой покачал головой, — просто...

Он снова вздохнул, словно все вздохи его жизни были оставлены на сегодняшний день.

— Просто я всегда думал, что унесу эту историю с собой в могилу, не рассказав тем, кто должен знать, и это немного печально. Но теперь, когда я рассказал вам правду, я очень волнуюсь.

Если он не ошибался, вчера был день рождения Е Чжицю. Ему только исполнилось двадцать, самый горячий возраст, вдруг он в порыве гнева сделает что-то непоправимое... Тогда он не сможет спокойно смотреть в глаза Лань Юэ на том свете.

Цинь Цзяньхэ, заметив его беспокойство, слегка приподнял глаза.

— Не волнуйтесь, — сказал он уверенным тоном, который почему-то успокоил старика, — я рядом.

Когда они вышли из отеля, Е Чжицю выглядел необычайно спокойным. Кроме ледяного холода в глубине глаз, он почти ничем не отличался от обычного.

Цинь Цзяньхэ тоже молчал, только рука, державшая руку Е Чжицю, ни на секунду не ослабляла хватку.

Дядя Ли, увидев их, тут же вышел из машины и бесшумно открыл им дверь.

Е Чжицю молча закрыл глаза, только когда они сели в машину, когда машина выехала из подземной парковки на поверхность, когда заходящее солнце сквозь стекло автомобиля осветило его тонкие веки.

— Со мной все в порядке, — сказал Е Чжицю.

На самом деле, он изначально не собирался оставлять в живых никого из семьи Е.

История Лань Юэ не особо повлияла на его планы. Она лишь укрепила его в первоначальном решении.

В этот момент он был предельно спокоен, только в глубине души еще раз прокрутил свой план. Он больше не думал об отчаянии Лань Юэ, потому что оно, наверное, ничем не отличалось от его собственного отчаяния в прошлой жизни. И такое отчаяние он терпел почти десять лет.

Машина ехала вперед, спиной к заходящему солнцу. Всю дорогу Цинь Цзяньхэ не пытался его успокоить, только крепко держал его за руку. Это очень успокаивало Е Чжицю. Ему никогда не нужно было ничьего утешения, это заставило бы его чувствовать себя слабым, как раньше. Это была роль, которую он ненавидел всей душой.

Они молча вернулись домой. Е Чжицю взял инструменты и занялся рукоделием. Шитье кожи требует большого терпения и упорства, каждый стежок нужно делать с усилием. Работа, которая обычно казалась ему тяжелой, сейчас, наоборот, снимала стресс.

Он слегка опустил глаза, его густые ресницы были похожи на сложенные крылья бабочки, стежок за стежком, нитка за ниткой, словно он не знал усталости. А Цинь Цзяньхэ спокойно сидел рядом с ним, открыв ноутбук и просматривая незаконченные планы и отчеты...

В комнате, кроме звука продеваемой нитки, изредка раздавался тихий стук клавиш.

Цинь Цзяньхэ заказал еду на дом: два горячих глиняных горшочка и тарелку густой белой каши. Они ели друг напротив друга.

Цинь Цзяньхэ наконец-то успокоился, увидев, что Е Чжицю съел немало.

— Цинь Цзяньхэ, — после ужина Е Чжицю медленно поднял глаза.

— Да? — Цинь Цзяньхэ посмотрел на него, его темные глаза были глубоки.

— Если однажды я сделаю что-то очень жестокое, ты будешь разочарован во мне? — спросил Е Чжицю.

На самом деле, он мог бы не спрашивать об этом. Но почему-то он все равно спросил.

Цинь Цзяньхэ слегка улыбнулся, опустил глаза и взял его за руку.

В детстве были бесчисленные ночи, когда он боялся спать. Потому что боялся, что Не Фэнцзюнь не выдержит, покончит с собой.

В возрасте, когда все дети мечтают о том, чтобы их семья всегда была вместе, он уже много раз желал, чтобы его родители развелись.

Он ничего не хотел и ни в чем нуждался. Он только хотел, чтобы его мать была в безопасности.

На самом деле, разве Не Фэнцзюнь не была еще одной Лань Юэ? Просто она выдержала, а Лань Юэ — нет.

Поставив себя на его место, он не мог представить, что бы он сделал, если бы с Не Фэнцзюнь что-то случилось тогда?

Наверное, та семья из трех человек жила бы невыносимо.

Поэтому сейчас он был готов принять любое решение Е Чжицю.

Пальцы Е Чжицю были длинными и тонкими, на боковой стороне среднего пальца левой руки была светло-красная родинка, такая же, как на кончике его носа. Цинь Цзяньхэ слегка наклонился и прижал свои горячие мягкие губы к этой родинке.

— Нет, — сказал он. — Если можно, Е Чжицю... Я хочу быть твоим ножом.

Я хочу быть твоим ножом, расчищать все тернии, боль и тревоги на твоем жизненном пути.

А потом идти с тобой рука об руку до конца.